

ОН НАС ЛЮБИТ!

Программу состоявшегося на днях в БЗК концерта Национального симфонического оркестра Владимир Спиваков задумал как «нонромантическую» и «нонпопулистскую».

Виктория ГАНЧИКОВА

Прозвучали произведения замечательные, к сожалению, почти не исполняемые в наших залах. Не то чтобы Спиваков спешил отказаться от привычного амплуа романтического «героя-любownika», исторгающего слезы умиления и восхищения у московской (парижской, миланской, кольмарской, далее везде...) публики. Уверена, он еще не один раз вернется к Брамсу, Чайковскому и Скрябину. Он особенно тщательно выстраивает программы концертов по целому ряду причин. Первая — личная страсть к исследованию, толкнувшая его когда-то к исполнению «раннего Россини» (впрочем, упоминательного). Вторая причина — творчески плодотворное противостояние с Национальным оркестром, усложненное альтернативным присутствием Плетнева. Третья — Спиваков не забывает, что ежели, скажем, Гергиев приедет дирижировать «Поэмой экстаза», ему не станут «шить» популизм, а за Пятую Чайковского, сыгранную с пониманием и глубиной на первом же концерте Спиваковым, критика его разнесла. Сейчас Спиваков изобретает не программы, а музыкальные ребусы. Из восемнадцатого века maestro бросает слушателя сразу в век двадцатый — от Моцарта к Бартоку и Стравинскому, коих преподносит тоже затайливо. Моцарта не соль-минорной или до-мажорной симфонией, а двумя изысканными концертами для флейты и кларнета. Бартока и Стравинского с произведениями парадоксальными даже для таких апологетов модернизма.

Владимир ГАНЧИКОВ

Стилистический контраст заострен выбором исполнителей. Эммануэль Паю (флейта) и Поль Мейер (кларнет) — воспитанники великолепной французской школы духовых инструментов. Их свободная изящная интерпретация требовала от партнера-оркестра прозрачных тембров и безукоризненного ритмического ощущения. Пока такая ювелирная работа дается «националистам» несравнимо трудней, чем «фресковая живопись» в недавно исполненной «Орестей» Танеева. Впрочем, сами солисты с французской легкостью согласились отдалиться от модной ныне аутентичной (в стиле эпохи) манеры исполнения, к чему наши музыканты не приучены. Взаимоотношения солистов и оркестра навели сюжет притчи о «Магомете, пришедшем к горе», — солистам удалось-таки прийти к стилистическому ансамблю с оркестром. Приятно, что французы оценили состояние группы духовых инструментов Национального оркестра как улучшающееся с невиданной скоростью.

«Дивертимент для струнного оркестра» Бартока прозвучал вполне достойно, учитывая сложность языка этого композитора, что требует активности от каждого музыканта, равнозначной той, которой обладают только солисты. Барток задумал это сочинение как компактное, яркое и радостное. Он писал его во время отды-

ха и представлял себе почти пастораль (недаром название апеллирует к XVIII веку). Как истинно великий художник (поэт это или композитор, но всегда провидец), Барток написал музыку, потрясающую своим трагическим зарядом. Катастрофа наступила ровно через две недели по окончании опуса — Вторая мировая война. Оркестру не удалось перевариться в образы, равнозначные «Капричос» Гойи: ни в первом упруго-жестком Allegro, ни в сверхмедленной трагической второй части. Только постоянное стремительное движение в финале вызвало ассоциацию с падением в бездну.

Новые, не имевшие аналогов тембры нашел Стравинский для своей «Симфонии псалмов»: расширенная группа духовых инструментов, виолончели, контрабасы и хор. Стравинский периода «неоклассицизма», отвергший романтизм, смело применяющий свой опыт и постоянно экспериментирующий, нашел средства, которыми выразил свое бесконечно глубокое религиозное чувство. Исполнение соответствовало идее композитора. Хор и оркестр ответили дирижеру взаимопониманием.

Публика с благодарностью восприняла программу как... «популистскую», потому что продолжает верить, что Владимир Спиваков ее, публику, любит и о ней заботится.